

Д. В. Питолин, Е. В. Шустрова
Екатеринбург, Россия

**ВЛИЯНИЕ ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ США НА ФОРМИРОВАНИЕ ОППОЗИЦИИ «СВОЙ — ЧУЖОЙ»
В СОВРЕМЕННОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
НА СПАНГЛИШЕ И АФРОАМЕРИКАНСКОМ АНГЛИЙСКОМ**

АННОТАЦИЯ. Данное исследование посвящено выявлению и описанию способов языкового оформления оппозиции «свой — чужой» в современной художественной литературе на спанглише и афроамериканском английском. Параллельно описан ряд внешне- и внутриполитических факторов, оказывающих влияние на восприятие своего и чужого внутри соответствующих двух диаспор США.

Для исследования литературы на спанглише нами были отобраны романы и сборники рассказов Дж. Диаза, Дж. О. Кофер, Х. Эрнандеса, С. Чавез-Сильверман, О. Ихуэлоса, К. Энрикез, Дж. Торреса и Х. Альварес. Афроамериканская литература в нашем исследовании представлена художественными произведениями *Sapphire*, К. Уайтхэда, Э. П. Джонсона, З. Пакер, Х. Дарроу, Д. Эванса, Т. Коула, Д. Менджесту.

В качестве основной была применена методика метафорического моделирования с элементами структурно-семантического подхода и теории когнитивной семантики. В нашем исследовании проведен анализ контекстуальных и дискурсивных факторов, определяющих специфику концептуальных метафорических моделей.

В исследовании были выявлены, систематизированы и классифицированы концептуальные метафорические модели в дискурсах художественной литературы на спанглише и афроамериканском английском применительно к диаде «свой — чужой». Было установлено, что в современной художественной литературе на спанглише при введении образа «своего» доминируют следующие сферы: «семья», «социальное положение», «этническое происхождение», «сверхъестественное» и «животное». В современной афроамериканской литературе основными при описании «своего» становятся сферы «семья», «животное», «раса», «сверхъестественное», «первобытный мир». При введении образа «чужой» в современной художественной литературе на спанглише доминируют сферы «сверхъестественное», «раса», «социальное положение», «животное», «история» и «язык». При введении образа «чужой» в современной афроамериканской художественной литературе доминируют сферы «животное» и «раса».

В исследовании был проведен анализ метафорических словоупотреблений в дискурсе художественной литературы на спанглише и афроамериканском английском, определены закономерности метафорического представления «своего» и «чужого», охарактеризованы общие и специфические черты метафорического моделирования «своего» и «чужого» в этих дискурсах.

Результаты работы вносят вклад в разработку проблем метафорологии, в том числе политической. Отдельные итоги будут полезны ученым, занимающимся проблемами лингвокультурологического характера.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: межкультурная коммуникация; спанглиш; афроамериканский английский; современная художественная литература на спанглише и афроамериканском английском; языковой контакт; межкультурная коммуникация.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Питолин Данил Викторович, аспирант кафедры английского языка, методики и переводоведения, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург); 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 459; e-mail: danilpitolin@gmail.com.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Шустрова Елизавета Владимировна, доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка, методики и переводоведения, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург); 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 459; e-mail: shustrovaev@mail.ru.

Наше исследование посвящено выявлению и описанию способов языкового оформления одной из ключевых оппозиций в художественной литературе вынужденных или добровольных переселенцев. Это оппозиция «свой — чужой», которая не может не отображать особенности внешней и внутренней политики принимающей страны. В нашем случае это Соединенные Штаты Америки и две широко представленные диаспоры — афроамериканская и латиноамериканская.

Первые переселенцы из Африки появились в Америке уже в 1619 г., однако порядок вещей, который так сильно культурно и социально повлиял на формирование афроамериканского английского, установился двумя десятилетиями позже: в 1641 г. британская колония Массачусетс легализовала рабство. Позднее, во время Войны за независимость США, некоторые афроамериканцы пытались собрать петиции и проводить кампании за отмену рабства, помимо этого, за время работы Второго Континентального

Материалы подготовлены в рамках гранта РГНФ № 14-04-00268 «Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления».

прогресса (1775—1781) этот вопрос был включен в обсуждение, рассмотрен и отклонен. Как отмечают некоторые современные историки [Cohen 2011; Finkelman 2006; Onuf 2006], автор Декларации независимости США, которая стала манифестом не только американской революции, но и прав и свобод человека, Томас Джефферсон на момент составления и подписания документа имел в собственности порядка 200 рабов. Тем не менее активное участие афроамериканцев в Войне за независимость укрепило большинство северных штатов во мнении, что рабство всё-таки не является благом и должно быть постепенно отменено. Настроения в обществе несколько изменились после Войны за независимость, после завершения которой белое население США, правда, в основной своей части севера страны, пришло к выводу, что рабство — это скорее зло, чем благо, и хорошо бы его постепенно отменить. Южане подобного мнения не придерживались и оставались весьма

консервативны в вопросе отмены рабства. Это разногласие стало одной из причин гражданской войны, произошедшей менее века спустя обретения США независимости. Начиная с 1784 г. в течение 15 лет все штаты к северу от Делавэра отменили рабство на своих территориях [Horton 2005: 49].

После победы Севера в Гражданской войне и формальной отмены рабства сложно говорить о действительно кардинальном изменении ситуации в Конфедеративных Штатах Америки. Во-первых, тринадцатую поправку к Конституции США, отменяющую рабство, приняли лишь $\frac{3}{4}$ существовавших тогда штатов, штаты Юга сначала отказывались принимать эту поправку, но приняли ее значительно позже. Так, в штате Кентукки поправка была ратифицирована лишь в 1976 г., а в Миссисипи — в 1995. Однако документ, подтверждающий это, не был направлен архивариусу США до 2013 г., таким образом, она вступила в силу лишь в феврале 2013 г. [Mississippi fixes oversight, formally ratifies 13th amendment on slavery].

С конца XIX в. в южных штатах были приняты так называемые «законы Джима Кроу», которые предписывали расовую сегрегацию в общественных местах. Было введено раздельное обучение, места для «белых» и «цветных» появились в общественном транспорте, отелях, ресторанах и больницах. Большинство этих ограничений были отменены только в середине XX в., каждое с огромным противодействием законодательных и исполнительных органов штата, в котором оно было принято [Bankston 2006: 476].

После окончания Второй мировой войны среди афроамериканского населения США активно развивались идеи равноправия. Расовое противостояние достигло кульминации в середине шестидесятых годов, тогда состоялся поход Мартина Лютера Кинга и еще более 200 000 афроамериканцев с требованием равноправия. Считается, что именно после него власти были вынуждены принять ряд законов, отменявших сегрегацию и уравнивавших всех граждан независимо от расы в правах. Тем не менее многочисленные общественные акции, судебные процессы и единичные акции проходили как до, так и после известного похода. Рост самосознания привел к возникновению так называемого «черного расизма» и появлению радикальных организаций, например «Черные пантеры» [Bankston 2000: 92]. Сегодня результатом этой борьбы можно считать успехи афроамериканцев во всех сферах общественной жизни. Особенно ярко в последние годы внешнему наблюдателю они оче-

видны в политике, однако в культуре, образовании, спорте и бизнесе они ничуть не меньше.

Что касается языковой составляющей, то в афроамериканской диаспоре, наряду со стандартным американским вариантом английского языка, активно используется афроамериканский английский (далее — ААЕ). В зависимости от социального и образовательного уровня может использоваться либо вариант ААЕ, приближенный к стандарту, но с отдельными интонационными и семантическими особенностями, либо менее модифицированный вариант, отличающийся от стандарта на всех уровнях языковой системы. Помимо иных, выбор используемого варианта часто может определяться территориальным фактором и этническим составом языкового коллектива в конкретный момент речи: в кругу семьи или близких знакомых даже образованные афроамериканцы часто используют переключение языкового кода, что недопустимо в смешанной аудитории или кругу с доминированием белых.

За свою долгую историю афроамериканский вариант английского языка получил много различных наименований, зачастую крайне непрестных для его носителей: Negro Dialect, Substandard Negro English, Nonstandard Negro English, Ebonics, Black English, Vernacular English, Spoken Soul и некоторые другие [Wolfram, Thomas 2002: 3]. Лингвистический статус этого явления носит дискуссионный характер. На сегодняшний момент существует два основных подхода к проблеме происхождения ААЕ. Один из них постулирует родство ААЕ с креольскими языками некоторых Карибских островов, таких как Ямайка, Тринидад, Гаити, а также Гвиане и Сьерра-Леоне. По этой версии, африканские рабы, попадая на территорию современных США, вынуждены были общаться не только со своими соплеменниками, но и с «белым» населением, а также носителями других африканских языков. Так формируется пиджин с нормативным английским языком в роли языка-источника и различными языками народов Африки в роли языков-субстратов. Далее этот пиджин становится основным языком общения для первого поколения африканцев, прибывших в Новый Свет, а для поколения их детей становится первым языком. Таким образом, он проходит стадию креолизации, а затем развивается в то, что мы сейчас знаем как афроамериканский английский. По другой версии, ААЕ миновал стадии пиджинизации и креолизации и был создан на основе английских диалектов. Необходимо отметить, что в современных исследованиях при изучении ААЕ оба под-

хода применяются комплексно, с преобладанием, однако, первого.

Если история афроамериканской diáspora начинается с начала XVI в., то история литературного наследия, сложившегося непосредственно на территории США, насчитывает чуть более двух столетий. Подобно афроамериканскому английскому, часто принимаемому либо за искажение стандарта, либо за язык, доступный только представителям diáspora, афроамериканская литература считается или полным подражанием западной культуре, или чем-то уникальным, понятным только афроамериканцам. Мы считаем, что ни тот ни другой подходы не дадут нам ясного представления о предмете. Афроамериканская литература есть не что иное, как культурная и лингвистическая реалия, характеризуемая наличием определенных черт, которая может и должна быть изучена с позиций лингвистического анализа. Исходя из смены стилистических и концептуальных составляющих, общих для писателей того или иного периода, считаем, что афроамериканское литературное наследие и изменения в системе концептуальных метафор в афроамериканских литературных произведениях могут быть представлены как ряд этапов, среди которых наиболее отчетливо выделяются следующие:

- 1) первый этап развития афроамериканской литературы (1760—1890) — дискурс бывших рабов, Ф. Дугласа и Ф. Уитли;
- 2) второй этап развития афроамериканской литературы (1890—1920) — дискурс П. Данбара и др.;
- 3) третий этап развития афроамериканской литературы (1920—1940) — дискурс течений «пересмешников» и Гарлемского ренессанса;
- 4) четвертый этап развития афроамериканской литературы (1940—1960) — дискурс течений реализма, натурализма, модернизма;
- 5) пятый этап развития афроамериканской литературы (1960—1980) — дискурс течения «Черное искусство»;
- 6) шестой этап развития афроамериканской литературы (1980—2015) — современный афроамериканский художественный дискурс.

Похожие споры по поводу статуса изучаемого явления ведутся и в связи с так называемым «спанглишем» — креолизованной разновидностью английского и испанского языков (параллельно употребляются термины «пиджин» и «интеръязык»). Еще недавно описываемое явление не обладало даже устоявшимся названием: *casteyanqui*, *inglañol*, *argot sajón*, *español bastardo*, *papiamen-*

to gringo, caló pachuco — это лишь неполный список номинаций этого феномена [Stavans 2003: 4]. Хотя внимание лингвистов спанглиш привлек относительно недавно, некоторые исследователи оценивают «возраст» этого интеръязыка приблизительно в 150 лет (по менее скромным оценкам — 400 лет) [Carter 2005]. Первая из оценок связана с событиями Американо-мексиканской войны, когда по мирному договору Гваделупе-Идальго США аннексировали почти половину территории тогдашней Мексики (современные штаты Аризона, Нью-Мексико, Юта, Калифорния и Невада). Большинство жителей этих территорий не уехали в Мексику после войны и стали гражданами Соединенных Штатов. Таким образом, языковой контакт перестал быть исключительно пограничным и стал намного сильнее влиять на оба языка. Эти события стали первым, но не единственным фактором, подтолкнувшим оба языка к активному контакту и обмену. Так, в 1917 г. был принят так называемый «акт Джонсона», по которому жителям Пуэрто-Рико было дано американское гражданство. Это не только формально увеличило количество граждан США — носителей испанского языка, но и упростило их передвижение по стране, что впоследствии привело к образованию центров иммиграции в крупных северных городах, таких как Нью-Йорк, Чикаго, Детройт, а также в штате Нью-Джерси. Помимо благоприятной для латиноамериканцев иммиграционной политики американского правительства первых трех четвертей двадцатого века, необходимо выделить программу «брасеро», которая сильно повлияла на этнический состав населения южных штатов, а следовательно, и на языковую ситуацию в США. Название этой программы происходит от испанского слова *«bracero»*, которое можно перевести как «работник ручного труда». Во время Второй мировой войны и после нее в США возник определенный недостаток рабочей силы, поэтому для участия в сельскохозяйственных и железнодорожных работах были привлечены мексиканские наемные рабочие, которые затем возвращались на родину. Во время действия программы (1942—1964 гг.) рабочие из Мексики пересекли границу с США около 4,5 миллионов раз, а в пиковье периоды количество «брасерос» на территории Соединенных Штатов доходило почти до полутора миллиона человек [Cohen 2011: 22]. Эта программа оказала значительное влияние на формирование текущей иммиграционной ситуации, так как работодатели в США нашли источник дешевой рабочей силы, а рабочие осознали, насколько хорошим, по мексиканским стан-

дартам, может быть заработка в Штатах. Благодаря этому более интенсивными стали процессы языкового обмена и смешения. Рассматривая динамику иммиграции из Латинской Америки на север, необходимо отметить ее постоянный и устойчивый рост. После каждого этнического конфликта, революции, экономического потрясения главным пунктом назначения переселенцев оставались Соединенные Штаты. Это привело к тому, что в настоящее время порядка 17 % населения этой страны (53 миллиона человек) называют родным языком испанский [U.S. Census Bureau 2012]. Также закрепленный в федеральном законе запрет на установление единственного государственного языка, несмотря на многочисленные попытки изменить эту правовую норму, не позволяет проводить политику защиты английского языка. Все инициативы по этому вопросу, особенно активные в штатах «старого Юга», упираются в этот запрет.

Сегодня, вопреки устоявшемуся стереотипу, испаноязычное население США не состоит исключительно из неграмотных разнорабочих. Среди представителей этого сообщества много людей, преуспевших в престижных профессиях, требующих высокой квалификации: Джунот Диаз — лауреат Пулитцеровской премии по литературе и профессор Массачусетского технологического института, Эд Моралес — журналист, писатель, профессор Колумбийского университета, Сюзанна Мартинез — губернатор штата Нью-Мексико, Брайан Санчо — судья, губернатор штата Невада, Марио Молина — лауреат Нобелевской премии по химии 1995 г. и многие другие.

Первые дошедшие до нас памятники испаноязычной литературы, написанной в США, датируются второй половиной XIX в., когда после войны 1846—1848 гг. обширная территория, населенная носителями испанского языка, перешла под контроль США. Литература на испанском языке всегда являлась литературой этнического меньшинства [Kanellos 2003: 8]. Исследователи выделяют два типа такой литературы: местная и литература иммиграции [Faltis 2007: 260].

Тексты первого типа сосредоточены на социальном положении и быте латиноамериканцев, считающих США своей родиной. В отличие от литературы двух остальных типов, здесь отсутствует рефлексия по потерянному дому. Фокус внимания здесь сосредоточен на доколумбовой истории южных штатов, а именно на мифическом Ацтлане, прародине ацтеков, который мог находиться на юго-западе США. Характерной особенностью литературы иммиграции на спанглише

стало то, что она формировалась волнообразно, концентрируясь в крупных городах, куда прибывали иммигранты из Латинской Америки. Первым крупным событием, повлиявшим на развитие данного вида литературы, стала Мексиканская революция 1910 г., когда более миллиона мексиканцев бежали от войны на север. С тех пор любой крупный вооруженный конфликт в Новом Свете рождал волну иммиграции, а с ней волну литературных и этнических влияний. Прибыв в Нью-Йорк, Лос-Анджелес, Сан-Антонио или другой мегаполис, беженцы старались наладить связь со своей родиной, в то же самое время пытаясь приспособиться к местным условиям жизни. Так формировалась литература, которая рассматривает одновременно прошлое и настоящее, родину и новую страну, и именно эти противоречия находят отклик у читателя [Fornet 1994: 51]. К писателям этой категории можно отнести В. Суареса, К. Гарсию, Д. Диаза, Г. Перес Фирмата.

Испаноязычная литература оставалась достаточно немногочисленной до шестидесятых — семидесятых гг. XX в., когда вместе с подъемом самосознания граждан США, говорящих по-испански, появились культурные движения в северных городах страны. Гражданские движения за права латиноамериканцев чикано (в юго-западных штатах) и ньюйоркано (в Нью-Йорке) породили поколение писателей, ставивших под вопрос все привычные истины «белого» общества. Поэтому в первую очередь работы писателей того времени Р. Гонсалеза, А. Дельгадо, Р. Санчеса и Алуриста (А. Б. Уристы) характеризуются социальными и политическими мотивами. Манифестом того времени стала опубликованная в 1967 г. поэма Р. Гонсалеза «Я — Хоакин» (*I am Joaquín*), написанная на спанглише. В этом произведении мексикано-американская история рассказывается от лица революционера XIX в. Х. Муриета. Автор обращает внимание на страдания и несправедливости, которые претерпевали латиноамериканцы, многие потомки индейцев, от англоязычных европейцев. Новое поколение авторов, пишущих на спанглише, пришло в американскую литературу уже не с улиц, а из университетских аудиторий и редакций литературных журналов. Среди современных писателей необходимо выделить Дж. Альварез, Д. Чавез, С. Циснерос, Дж. Ортиз Кофер, Д. Чакона, О. Ихуэлоса, Б. Санча и других. Литература этих авторов стала известна широкому кругу критиков и читателей в США и по всему миру.

В связи с этими процессами применительно к современной литературе некоторые

литературоведы призывают отказаться от разделения на «местную» и «иммигрантскую» литературу, обращая внимание на то, что в современном мире, подвергающемся глобализации, такая дифференциация перестала быть релевантной. Испытывая взаимное влияние, разные литературные традиции Нового Света всё больше походят на одну. Поэтому современных писателей Д. Аларкона, Дж. Диаза, К. Энрикес и других можно назвать писателями «без границ» [Ramirez 2008: 308]. Учитывая то, как неуклонно увеличивается количество носителей спанглиша на территории США и влияние латиноамериканской культуры на североамериканскую, а также литературные успехи носителей спанглиша, стоит ожидать, что не только англоязычные публикации американских авторов будут определять лицо американской литературы и культуры завтра.

В качестве материала исследования нами были отобраны работы наиболее известных и признанных авторов, пишущих на спанглише. Все книги были написаны в промежутке между 1991 и 2015 г. Именно в этот период у широкой публики и критиков получила признание литература на спанглише. Впервые художественные произведения на спанглише перестали рассматриваться как малоценная литература, посвященная исключительно проблемам латиноамериканцев в США. Для исследования нами были отобраны романы и сборники рассказов «Drown» [Díaz 2009], «The brief wondrous life of Oscar Wao» [Díaz 2007], «This is how you lose her» [Díaz 2012] Джунота Диаза; «Call me Maria» [Cofer 2004] Джулии Ортиз Кофер; «Cuban, That's All! An Exile in Three Acts: Candid Voices of a Spanglish Existence» [Hernandez 2002] Хуана Эрнандеса; «Killer Crónicas: Bilingual Memories (Writing in Latinidad)» [Chavez-Silverman 2004] Сюзаны Чавез-Сильверман; «Beautiful Maria of My Soul» [Hijuelos 2010] Оскара Ихуэлоса; «The Book of Unknown Americans» [Henriquez 2014] Кристины Энрикес; «We the Animals» [Torres 2012] Джастина Торреса и «How the Garcia Girls Lost Their Accents» [Alvarez 1991] Хулии Альварес.

Рассматриваемые в данном исследовании работы принадлежат перу латиноамериканских писателей США разного национального происхождения: пуэрто-риканского, доминиканского, панамского и кубинского. Несмотря на это, все авторы произведений творчески сформировались в испаноязычной общине США, говорящей на спанглише. Общим для них, помимо метафорических моделей, становится активное использование спанглиша в своих произведениях и признание их работы литературным миром.

Афроамериканская литература в нашем исследовании представлена художественными произведениями наиболее заметных афроамериканских писателей с 1995 по 2015 г. Это романы и сборники рассказов: «Push» [Sapphire 1997], «The Kid» [Sapphire 2011] Sapphire (настоящее имя Рамона Лофтон); «Intuitionist» [Whitehead 2012] и «Sag Harbor» [Whitehead 2010] Колсона Уайтхэда; «All Aunt Hagar's Children» [Jones 2006] Эдварда П. Джонса; «Drinking Coffee Elsewhere» [Packer 2000] Зуэне „Зизи“ Пакер; «The Girl Who Fell From the Sky» [Durrow 2010] Хайди Дарропу; «Before You Suffocate Your Own Fool Self» [Evans 2010] Даниэль Эванс; «Open City» [Cole 2011] Теджу Коула; «The Beautiful Things that Heaven Bears» [Mengestu 2007] и «How to Read the Air» [Mengestu 2010] Дино Менджесту.

В качестве основной, наиболее удобной и результативной в анализе нашего материала, была применена методика метафорического моделирования с элементами структурно-семантического подхода и когнитивной семантики. В нашем исследовании проведен анализ контекстуальных и дискурсивных факторов, определяющих специфику концептуальных метафорических моделей. Как результат, установлено, что в художественной литературе на спанглише одним из поворотных моментов становится переезд главных героев в США, изменение социального и бытового окружения персонажа, культурный сдвиг, включающий и изменения языкового фона. Еще одной значительной особенностью можно считать более частое обращение к ресурсам испаноязычных диалектов Латинской Америки в литературе на спанглише, в отличие от афроамериканской литературы, практически не дающей примеров использования исходных африканских диалектов и языков.

Для современной афроамериканской художественной литературы в гораздо большей степени, нежели для художественной литературы на спанглише, характерно использование постоянных аллюзий на более ранние произведения афроамериканских писателей. Одним из важных факторов, определяющих специфику дискурса, становится продолжительность его существования. Поскольку афроамериканская литература складывается гораздо раньше, чем литература на спанглише, у афроамериканских писателей уже сформировался определенный круг произведений, требующих постоянных отсылок, возвращений к ним. В качестве таких обязательных текстов выступают работы Дж. Тумера, Р. Райта, У. Дюбуа, Р. Эллисона, З. Н. Херстон, Дж. Болдуина, Э. Уор-

кер. Кроме того, это определенный набор библейских притч Ветхого и Нового Заветов. Для литературы на спанглише таким объединяющим началом становится не столько использование аллюзий и авторская интерпретация уже сложившихся моделей, характерные для афроамериканской литературы и позволяющие легко увидеть в ней традиции афроамериканской церковной службы и музыкальных течений, сколько популярность определенных тем, основными из которых становятся: тема политической диктатуры и репрессий у себя на родине; тема постепенной утраты связи со своей исторической родиной и приобретение нового ориентира для национальной самоидентификации; тема потери или трансформаций языковой среды, ощущаемые как болезненный процесс; тема постепенного отхода молодого поколения от ценностей иммигрантов первой волны; тема осознанного выбора чужой англоговорящей страны в качестве источника спасения, улучшения материального и социального положения, своеобразной земли обетованной, которая на деле нередко превращается в «империю зла», приносит крушение надежд, обман, разочарования. В современной афроамериканской литературе к ключевым темам можно отнести тему выживания в неблагоприятной социальной среде, преимущественно большого города; тему поиска социальной и расовой самоидентичности; тему обретения Бога и прощения; тему поисков своих предков и истории. При этом никогда не наблюдается тема осознанного выбора США и политических репрессий в странах Африки как причина смены места жительства. Напротив, нередко Африка выступает символом земли обетованной, потерянной матери. Отсутствует и тема грусти в связи с потерей первого языка. Все это продиктовано иными историческими реалиями и дискурсивными факторами, отличными от тех, которые сопровождают формирование художественной литературы на спанглише.

В исследовании были выявлены, систематизированы и классифицированы концептуальные метафорические модели в дискурсах художественной литературы на спанглише и афроамериканском английском применительно к диаде «свой — чужой». Было установлено, что в современной художественной литературе на спанглише при введении образа «свой» доминируют следующие сферы: «семья» (20,4 %), «социальное положение» (12,7 %), «этническое происхождение» (10,8 %), «сверхъестественное» (6,6 %) и «животное» (6,6 %). В современной афроамериканской литературе основными при описании «своего» становятся сферы «се-

мья» (27,9 %), «животное» (25,1 %), «раса» (14,7 %), «сверхъестественное» (7,6 %), «первобытный мир» (4,4 %). При введении образа «чужой» в современной художественной литературе на спанглише доминируют сферы «сверхъестественное» (21,3 %) «раса» (20 %), «социальное положение» (12 %), «животное» (9,3 %), «история» (4,4 %) и «язык» (4,4 %). При введении образа «чужой» в современной афроамериканской художественной литературе доминируют сферы «животное» (26,5 %), «сверхъестественное» (17,8 %), «раса» (12,4 %), «болезнь» (6,5 %) и «история» (5,9 %). За 100 % принято 1608 метафорических словоупотреблений, зафиксированных в художественных текстах на спанглише, и 1552 метафорических словоупотребления в афроамериканской литературе, полученных путем сплошной и презентативной выборки.

В исследовании был проведен анализ метафорических словоупотреблений в дискурсе художественной литературы на спанглише и афроамериканском английском, определены закономерности метафорического представления «своего» и «чужого», охарактеризованы общие и специфические черты метафорического моделирования «своего» и «чужого» в этих дискурсах.

В качестве общих черт в современной художественной литературе на спанглише и афроамериканском английском нами выделены и подробно описаны следующие элементы. При описании «своего» для всех авторов, пишущих на спанглише, характерно расширение круга ближайших родственников за счет включения в состав семьи крестных, хороших знакомых, людей, с которыми собираются породниться, частотно отсутствие разграничений между внуками, племянниками и собственными детьми. При этом обозначение родственников, как правило, оформляется только на испанском (*abuela, hija, madrina, novia, tío* и др.). Стандартный английский обычно вводится только как показатель неуспеха в роли родителя или другого близкого родственника, неспособность соответствовать ожиданиям семьи.

В современной афроамериканской литературе, как и в более ранние периоды, наблюдается ставшее уже традиционным введение в круг близких родственников членов общины, которая включает соседей, прихожан одной церкви. Нередко для ощущения близкого кровного родства, семейных уз достаточно территориального признака в виде достаточно широких понятий Юг США и Африка. При введении образа Земли, Неба и Оплодотворяющего Дождя как общих родителей или Африки в роли единой Праматери частотно и традиционно обращение

одновременно и к языческим, и к христианским притчам. В этом отличие сравниваемых литератур и лингвокультур, потому что в литературе на спанглише нет таких частотных обращений к одним и тем же образам христианства и язычества, которые присутствовали бы и в практике религиозных служб, и в музыкальных произведениях, и в литературных работах разных жанров и периодов, что, напротив, характерно для афроамериканской литературы. При языковом оформлении понятия родственных отношений в афроамериканской литературе используются только лексемы, совпадающие с обозначением родственников в стандартном английском (*aunt, brother, daddy, father, grandmother, grandma, grandpa, mother, sister, uncle* и т. д.). Это обусловлено тем, что в афроамериканском английском даже на словарном уровне нет лексем африканского происхождения для обозначения семейных уз. Особенность афроамериканского английского в этом случае становится трансформацией исходной семантики и дальнейшее словоизводство на основе стандартных морфем. Так, применительно к членам семьи наблюдается расширение исходного лексического значения (ср., например, *aunt, grandma, uncle*). С помощью соположения основ получено новое *brotherman*, вводящее семантические компоненты мужественности, надежности, взрослого восприятия проблем. Через усечение основ получены очень популярные *bro* и *sista* (*sistah*), также расширявшие исходную семантику за счет компонентов «член общины», «расовая принадлежность».

Еще одной отличительной чертой афроамериканской литературы становится введение стандартных английских лексем, изначально описывающих родоплеменные или криминальные отношения и не употребляющихся в стандартном американском английском применительно к современной семье, если только это не шутка. Такими лексемами, не предполагающими никакой шутливой коннотации в афроамериканском дискурсе, становятся *breed, gang, tribe*. Найти свое «племя», которое может стать гораздо ближе изначальных кровных уз, — вот что часто становится главной задачей персонажей афроамериканской литературы. Такой процесс нехарактерен для литературы на спанглише. Интересно и то, что, если в литературе на спанглише появляются лексемы, явно заимствованные в своей расширенной семантике из афроамериканского дискурса, то в обратную сторону этот процесс не идет. Сближения с выходцами из стран Латинской Америки и ассоциирования себя с ними в афроамериканской среде явно не ощущается.

И мужчин, и женщин в современной художественной литературе на спанглише отличает способность много и тяжело работать, природное трудолюбие, часто связанное с крестьянским трудом и бытом, требование уважения к себе и, в свою очередь, уважительное отношение к другим, особенно людям старшего поколения. Крестьянское происхождение изначально не считается чем-то низменным и постыдным, тем, от чего надо отвернуться. Здесь есть заметное отличие от афроамериканской лингвокультуры в целом, поскольку у афроамериканцев труд в полях часто был традиционно связан с унижениями, лишениями, так называемым ниггеризмом, отказом в культуре и грамотности. Тростник в полях в афроамериканских произведениях, повествующих о времени после Гражданской войны между Севером и Югом, часто ассоциировался с линчеванием, становясь символом смерти, бесправия, те же самые смыслы сопровождали фруктовые сады, плантации кукурузы, что частично переносилось и на восприятие в литературе всего ведения фермерского хозяйства. Не приходилось говорить и об уважительном отношении к себе со стороны белого населения. Если у героев художественной литературы на спанглише есть периоды, когда общество их воспринимает вполне уважительно, что обусловлено либо пребыванием в своей родной стране, либо достижением определенной позиции в США, нередко благодаря своей южной красоте и трудолюбию, то у персонажей афроамериканской литературы вся жизнь проходит в ожесточенном желании и попытках отстоять свое право не столько на уважение, сколько просто на жизнь. Возврат в страны Африки в афроамериканской литературе практически не присутствует, что обуславливает отсутствие частотных описаний попадания в исконно «свою» среду и обретения уважения на исторической родине. Напротив, в качестве относительно новой тенденции в афроамериканской литературе можно отметить тему переезда из Либерии в США. Но, в отличие от литературы на спанглише, это не вынужденное изгнание, а скорее романтическое возвращение в дом близкого родственника, которое — и в этом проявляется сходство с литературой на спанглише — оборачивается презрением белой Америки, социальной неустроенностью, ощущениями изгоя. Чертая, которая роднит два дискурса, — это ощущение собственной бедности и желание вырваться из этой среды, что-то изменить. Но если в литературе на спанглише такой выход ищут в трудолюбии, цепости, противостоянии неблагоприятной среде, то в афро-

американской литературе, при том что есть и описания приобретения состояния и собственности легальным путем, обычным способом решения проблем нередко становятся бродяжничество, криминал, включая и самые тяжелые преступления, и непостоянный доход от выступлений на сцене, перемежающимися с противозаконной деятельностью, часто неотделимой от сценической жизни. При этом преступник не становится «чужим».

Очень важным становится описание внешности. В литературе на спанглише все авторы при описании персонажей часто вводят привлекательные черты, темный оттенок кожи, хорошее, часто спортивное, пропорциональное сложение. Часто подчеркивается смешение кровей, дающее разные цветовые оттенки кожи, для обозначения которых употребляются специальные испанские лексемы (*blanquito*, *blanquita*, *mulatto*, *mulatta*, *gallego*, *gallega*, *negrito*, *negrita*). Более светлый оттенок кожи, в отличие от афроамериканцев, воспринимается не как расовое, а как социальное превосходство. У афроамериканцев первичной в этом случае становится близость к белой расе, что, в свою очередь, может дать иной социальный и материальный статус, но одновременно обычно приносит неприятие в афроамериканской среде. В афроамериканской литературе описание внешности тоже дает интересные повороты. Никогда близость к мулатам или белым не считается признаком «своего», хотя может ассоциироваться с внешней привлекательностью и желанностью. Не случайно обычное использование в своей среде лексемы *nigga*, табуизированной для белого по отношению к афроамериканцу. Для того чтобы быть «своим», часто вводятся черты, которые в стереотипном европейском восприятии можно принять за непривлекательные. Это темный, часто угольный или иссиня-черный оттенок кожи, крупные губы, негроидный нос, курчавая шевелюра. У юношей и мужчин нередко подчеркивается строение, напоминающее обезьяну. Если вспомнить, что *gorilla* в афроамериканском английском применительно к молодому мужчине — это желанный комплимент, подчеркивающий мужественность и маскулинность, то особенности расовых стереотипов красоты станут еще более очевидны. У девушек и молодых женщин часто акцентируется особое строение таза. Одновременно с такими противоречивыми с европейской точки зрения чертами в современной афроамериканской литературе вводятся и черты, признающиеся привлекательными и в «белом» восприятии, — рост, удлиненное строение тела,

внутреннее чувство достоинства, которое проявляется внешне.

От настоящего мужчины-латиноамериканца ожидаются сексуальность, уверенность в своей маскулинности, умение танцевать, музыкальные способности, успех в бизнесе, нередко мелкой торговле или контрабанде, убедительность речи, уважительное обращение с женщиной. Последнее имеет специальное название и ассоциируется только с образом настоящего *caballero*. Женщина-латиноамериканка должна быть привлекательна, полна собственного достоинства. Она достаточно шумная, смешливая, заботливая, ценящая и поддерживающая авторитет мужчины и старших. Особо ценится отсутствие границы между рациональной и эмоциональной составляющей психики, поведение «от души», открытость сердца. Простые, понятные отношения становятся тем, чего очень не хватает иммигрантам, попадающим в гораздо более дистанцированную культуру.

От литературного афроамериканца, претендующего на успех у женщин, требуется примерно тот же набор, кроме успеха в бизнесе и особого уважительного отношения к самой женщине или ее родне. Про род занятий можно (и лучше) вообще не говорить, а в личных отношениях, даже в очень интимные моменты, не предполагается никаких особых откровений. Напротив, чем больше личного пространства оставляет за собой мужчина, чем он непонятнее для женщины, тем привлекательнее он будет. При этом для обоих полов неизменно подчеркивается либидо. Очень уважительные описания этой стороны жизни легко соседствуют с гротескными, почти карикатурными, зарисовками. Нередко афроамериканские авторы обращаются и к теме инцеста с малолетними, что не превращает автоматически такого родственника в «чужого». Он по-прежнему «свой», но со странностями. Такие черты нехарактерны для литературы на спанглише. Афроамериканка в современной литературе нередко становится матерью-одиночкой, живущей на пособие или непостоянный заработок. Примечательно, что внешняя неухоженность и нечистоплотность в современной афроамериканской литературе перестали автоматически исключать человека из круга «своих».

В отличие от литературы на спанглише, в афроамериканской литературе и культуре исторически невозможно положительное отношение к доминированию чувств над рассудком: урок усваивался очень быстро и очень страшно. В отношении воспитания выдержанки, непроявления своих чувств в быту, сдержанности афроамериканцы гораздо

ближе к общеамериканской культуре, нежели испанцы или латиноамериканцы. Последних, кстати, за это часто недолюбливают. Но афроамериканская культура — и литература тоже это отражает — предполагает больший физический контакт, относится к более «контактным» культурам, нежели культура и литература «белой» Америки. В этом случае афроамериканцы находятся в промежуточном положении между латиноамериканцами и европеоидными американцами при условии, что персонаж находится в этнически однородной среде «своих».

В литературе на спанглише все персонажи «своего» круга так или иначе исповедуют католицизм, достаточно активно обращаются к Богу, но при этом официальная религия смешивается с оккультными практиками, местными мифами и поверьями, вудуизмом. Бог выступает активной силой. При этом имя высшего Божества, Бога Отца, звучит по-испански, но может сопровождаться английским определенным артиклем (*the Todopoderoso*). Религиозному обращению нередко присуще вхождение в экстаз, особый стиль молитвы, который может привести к состоянию *shitaat* — эмоционального горения, опустошения. Примечательно, что это состояние называется по-испански с параллельным объяснением по-английски (*shetaat (spiritual burnout)*). В афроамериканской литературе последних десятилетий путь к Богу совершается параллельно с поисками своего «я» и обращением к природе. Персонажи либо не принадлежат к какой-либо точно идентифицируемой конфессии, либо исповедуют одно из направлений христианства. Частотно и обращение к первобытным верованиям наряду с оккультизмом в виде вуду и худу. Параллельно происходит возврат к исламу, который для большинства афроамериканского населения связан с Африкой, где он действительно распространен. Из современной афроамериканской литературы практически исчезли описания активного коллектического вхождения в религиозный экстаз во время христианских церковных служб. Таким образом, афроамериканская религиозная трактовка «своего» гораздо шире и терпимее, чем латиноамериканская, что тоже продиктовано историческими условиями, многократным притоком разных религиозных течений в афроамериканскую среду. Стоит отметить, что африканцы-язычники, попавшие в Северную Америку, изначально легко меняли веру, охотно принимая христианство. Также в афроамериканской среде XX в. был нередок переход из христианства в ислам и обратно с параллельным исповеданием оккультизма и большим интересом к

африканским традиционным верованиям. При этом такой переход и смешение религий не воспринимались как предосудительный поступок, отношение к смене веры в афроамериканской диаспоре спокойное, это считается личным делом. Напротив, испанцы считали делом чести обратить тех, кого они не истребляли сразу, в том числе и по религиозному признаку, в единственно правильную веру — католицизм. Такая историческая память объясняет гораздо более трепетное отношение латиноамериканцев к вопросам выбора веры и следования ее формальным ритуалам.

Общим при характеристике своего в обоих изучаемых дискурсах можно считать обращение к образу животного, при этом нередко выбирается один и тот же зверь. Одно из главных отличий в том, что в афроамериканской литературе такое обращение происходит почти в четыре раза чаще. Общими при обозначении своего становятся образы собаки/пса. При этом для описания настоящего мужчины, черт мачо в литературе на спанглише используется испанское *perrito*; английская лексема *dog*, даже описывая своих, вносит семантику беспорядка. В афроамериканском английском *dog/dawg* используется для введения как положительных, так и отрицательных коннотаций. Еще одной общей лексемой становится *cat*, но в спанглише это заимствование из афроамериканского английского, где обозначение этого животного обрело новые смыслы живучести, пронырливости, существования вопреки всему, приятной сексуальности, сотенесенности с настоящим мужчиной и именно с этой новой семантикой вошло и в общеамериканский сленг, и в спанглиш.

В качестве отличий при описании «своего» отмечаем преобладание в современной художественной литературе на спанглише обобщенного образа животного, причем часто небольшого, испуганного, огрызающегося, старающегося зацепиться за что-нибудь когтями, или загнанного зверя (*little animals, frightened, vengeful, clawing, hunted*). В современной афроамериканской литературе одним из самых популярных становится обобщенный образ птицы (*bird*), вводящий компоненты свободы, полета, раскрепощения. Это хорошо согласуется с общими традициями афроамериканской литературы, где орнитологическая метафора всегда имела большое значение, изображая приближение человека к Богу, давая надежду на исход, но одновременно подчеркивая черты хрупкости, незащищенности, уязвимости. Другой популярный образ связан с обезьянкой, как крупной (*ape*), так и меньших размеров

(monkey). Такие сопоставления в афроамериканском тексте часто не являются оскорбительными. В них находят отсылки к африканским традициям, богам Езу и Ифа, образу Обезьяны-оракула (*Signifyin' Monkey*). Хотя в некоторых контекстах может появляться и оскорбительная семантика, традиционная для таких лексем в качестве зоометафор в стандартном английском, обычно она не исключает человека из круга «своих», скорее подчеркивает расовые отличия, проводя барьер между такими, но своими и чужими белыми. Общими для афроамериканской художественной литературы при описании своих становятся лексемы *rabbit* — «кролик», *coop* — «енот», которые изначально пейоративно использовались белыми по отношению к афроамериканцам, а затем в афроамериканском английском прошли процесс нейтрализации и могут вводить либо нейтральную, либо ласковую семантику. Образ кролика также используется в качестве аллюзий на другие афроамериканские произведения, давая семантические компоненты пронырливости, плутовства, милых шалостей и одновременно унижений, обранности, обреченности на нищету.

Суммируем основные индивидуально-авторские особенности трактовки «своего». Максимальное число индивидуально-авторских особенностей проявляется при использовании зоонимов. У Дж. Диаза существует обращение к образу голубя, который оформлен лексемой испанского происхождения *palomo* и, в отличие и от стандартного американского английского и от афроамериканского английского, вводит семы глупости, простоватости, недалекости, невзрослости, отсутствия маскулинности. У Дж. Торреса вводится понятие стаи и вожака, гусей, енота. Описание матери как испуганной гусыни (*this confused goose of a woman*), детей как гусят (*baby geese*), все из которых стремятся к лидерству, роли вожака, дают и положительные коннотации, связанные с семантикой сплоченности, активности, лидерства, ответственности, ласки, заботы, и отрицательные компоненты глупости, слабости, уязвимости, бесформенности (в отношении женщины). Образ енота по отношению к матери (*She looked like a raccoon caught digging in the trash: surprised, dangerous*) сближает изучаемый текст с устойчивыми пейоративными образами енота в афроамериканской лингвокультуре, вводит смыслы разобщенности в семье, презрительного отношения к родителям, что соглашается с появляющимся у этого автора конфликтом поколений, темой разобщенности между старшими и младшими.

В современной афроамериканской литературе максимальное число индивидуально-авторских смыслов при введении зооморфизмов использует К. Уайтхэд, хотя его образы нельзя считать уникальными — они просто не встречаются у других авторов, работы которых мы исследуем, но либо используются в афроамериканском английском, либо есть в афроамериканской литературе более ранних периодов. Один из таких зооморфизмов — это *hyena* — «гиена», которая соотносится не только с жадностью и агрессивностью, но и с определенными законами выживания в диаспоре. Есть еще по меньшей мере три фактора, объясняющие такую ассоциацию для «своего»: гиены напоминают собак, а лексема *dog* уже стала привычна в отношении афроамериканца; ареал распространения этих животных включает практически всю Африку; окраска животных (у всех четырех видов) обычно предполагает наличие контрастных полосок и пятен. Если вспомнить, что многие пятнистые и полосатые животные Африки, включая зебру и жирафа, в афроамериканском английском и на уровне словаря, и на уровне текста нередко дают ассоциативные связи с афроамериканцем в силу перемешивания кровей, то продолжение этой тенденции станет очевидно. Другой зооморфизм, *mule* — «мул», тоже нельзя считать до конца индивидуально-авторским. Однако он интересен тем, что, с одной стороны, подчеркивает выносливость, как в стандартном английском, но теряет семантику упрямства. С другой стороны, автор эксплицирует семантику упорства, трудолюбия и гибридности, что соответствует афроамериканской трактовке. Применение образа бактерий, невидимых и опасных (...*the extravagant bacteria metropolis that will thrive in his stomach. Invisible and insidious.*), вводит семантику никчемности, не-нужности, мелочности существования, характерную для образа простейших или насекомых в афроамериканском художественном тексте. В то же время этот образ, особенно применительно к женщине, всегда давал смыслы опасности, смерти, всеразрушающей силы маленьких существ, о которых самоуверенная жертва и не догадывается. Употребление лексемы *invisible* — «невидимый» становится аллюзией на образы романа Р. Эллисона «Человек-невидимка».

Авторское расширение лексемы *lizard* — «ящерица, ящер» и развертывание этого образа по отношению к желанному кавалеру представлено у Х. Дарроу. В афроамериканском английском эта лексема была популярна в 1920—1930-х гг. в качестве синекдохального обозначения щегольской обуви,

у которой выделка кожи имитировала кожу ящерицы. То же самое наблюдалось в отношении лексемы *alligator* — «аллигатор». Автор расширяет исходную семантику, вводит новые смыслы ухоженности, требовательности по отношению к предполагаемой подруге, вкус, определенный достаток, желанность такого мужчины.

Д. Менджесту расширяет уже упомянутый орнитологический образ, вводя описания птицы, застрявшей между двух ветвей и получающей удары судьбы и справа и слева (*A bird stuck between two branches gets bitten on both wings.*).

При введении образа чужого в современной художественной литературе на спанглише доминирует сфера демоидов. Поскольку католицизм в Латинской Америке испытывает определенное влияние местных поверий, то помимо традиционного образа дьявола присутствуют демоны язычества и привидения. Достаточно частотно обращение к инфернальной сфере в целом как воплощению всего чужого, враждебного. При этом используются и испанские, и английские лексемы (*demon, diablo, fukú, hell, infierno*). Образ колдуна, зомби и язычника резко противопоставлен образу католика, что обусловлено историей религиозных течений в современных странах Латинской Америки. При этом индивидуально-авторских отличий нет даже на уровне лексем. У всех писателей присутствует один и тот же ряд (*brujo, bruja, witch, zombie*) с практически идентичной семантикой даже на уровне конкретных узких контекстов. В современной афроамериканской литературе эта сфера, будучи тоже затронута при введении образа «чужого», не выходит на первый план. Даже число лексем гораздо меньше. В основном повторяются одни и те же (*devil, witch*). Что касается *devil*, то эта лексема уже давно прошла в афроамериканском английском стадию расширения значения и применяется не столько к демоидам, сколько к «белой» сфере вообще и агрессивному белому, занимающему высокое социальное положение. Связано это еще с рабовладельческими временами, а сам образ белого дьявола впервые появляется в афроамериканской литературе еще в первых хрониках бывших африканских рабов в конце XVIII в. (ср. автобиографии Б. Хэммона, Дж. Гронниосо, Дж. Морранта, Дж. Стьюарта, О. Эквиано, Дж. Джи). Показательно, что в этих хрониках белыми, грязными, распущенными, сквернозвоящими исчадиями ада становились испанцы или португальцы — т. е. одна из этнических составляющих современных латиноамериканцев. Позже от названия опреде-

ленной национальности в сложившейся диаспоре перешли к детерминированию при помощи этой лексемы белой расы вообще и определенного социального статуса белого. Такое положение сохраняется и сейчас. Лексема *witch* тоже подвергается расширению значения, теряя семантику колдовства и приобретая семы «неприятный», «злобный», «неопрятный». В отличие от спанглиша, в афроамериканском английском лексема *witch* употребляется по отношению к людям в целом, вне зависимости от пола. Хотя изначально это только существо женского пола, что сохраняется в спанглише, эта узкая семантика уже утрачена в общеамериканском английском, что отражается и в афроамериканской литературе. В афроамериканской культуре всегда существовало много поверий, связанных с самыми разными злымя духами и привидениями — наследие Африки. Это обуславливает сохранение данных представлений и достаточно частотное обращение к образам злого существа (*boogeyman*) и привидения (*ghost*). При этом в индивидуально-авторском восприятии своего «я» как привидения легко находят отражение образы многочисленных афроамериканских сказок, притч; унижительное обращение к афроамериканцу; образы афроамериканской литературы 1920—1930-х гг., когда «невидимость», «прозрачность» афроамериканца для белой Америки стали новыми расово и социально маркованными чертами в литературе.

Актуальным для обоих дискурсов становится противопоставление по национальному и расовому признаку. К этой сфере очень тесно примыкают и другие сферы, связанные с социальным положением, образом животного. Для литературы на спанглише это еще сфера «язык», в отличие от афроамериканской литературы.

Для обозначения чуждой «белой» расы, и в первую очередь белых американцев, в литературе на спанглише чаще всего используется лексема *gringo (gringa)*. Она вносит семантику чужеродной культуры, презрительного отношения к латиноамериканцам, незнания испанского или спанглиша, претенциозного поведения, отсутствия вкуса. Другая лексема, *blanquito (blanquita)*, больше связана с цветом кожи и, соответственно, исконным этническим происхождением, поскольку англосаксонское население обычно гораздо светлее даже континентальных испанцев. Параллельно появляется контекстуальная семантика свободных взглядов на вопросы межполовых отношений, неэмоциональной речи, доминирования рационального над эмоциональным. Третья лек-

сема, *paraguayo*, популярная в литературе доминиканских выходцев, вводит семантику глупого, нелепого, несоответствующего ситуации поведения, отсутствия обаяния, нарушения традиционной лингвокультурной линии. Она тоже проходит процесс генерализации и расширительно обозначает любого человека, не соответствующего стереотипам нормального с точки зрения латиноамериканца поведения. Параллельно с лексемами, восходящими к разным романским формам, в литературе на спанглише активно используются сложные слова и устойчивые словосочетания, которые уже давно существуют и в общеамериканском английском, и в афроамериканском варианте для презрительного обозначения белого, обычно из деревни, необразованного, бедного (*red-haired, red-neck, white trash*). Афроамериканцы в таких случаях не забывают еще и о лексемах рабовладельческих времен (*cracker, Massa, master*). При этом в афроамериканской среде по-прежнему частотно автоматическое отнесение афроамериканца к классу «чужих», если он исповедует принципы «белой» Америки, чего не наблюдается в такой обостренной степени в литературе на спанглише. Доказательством этому служит восприятие этой области в качестве лексической лакуны в спанглише, в то время как в афроамериканском английском есть ряд лексем с указанной семантикой, которые присутствовали и в нашей выборке (*Oreo, Uncle Tom*). Интересно, что в литературе на спанглише представлено отчужденное отношение к богатым выходцам из Азии и, наоборот, попытки ассоциировать себя с афроамериканцами. В афроамериканской среде этого не происходит. Степень среднестатистического восприятия любой другой культуры, кроме афроамериканской и африканской, в качестве чужой здесь весьма высока: слишком дорого обошелся долгий исторический опыт попыток сближения.

Отчужденное восприятие «белой» Америки хорошо проявляется в афроамериканской литературе и при обращении к сфере «животное». Даже когда основным является профессиональное или социальное положение, зооморфизм потенциально вводит семантику «евроамериканец». Наиболее частотными становятся зооморфизмы *pig* — «свинья, боров», *fly* — «муха», *pigeon* — «голубь», *mouse* — «мышь». У двух последних обыгрывание образа происходит через семы слабости и серого цвета. Дело в том, что в афроамериканском английском лексема *gray* служит для уничижительного обозначения белого, что на уровне словаря дает новые смыслы лексемам, обозначающим

животных с преобладанием серой масти, а в случае с голубем — окраской оперенья. Для обозначения голубя в стандартном английском активно используются две лексемы: *dove, pigeon*, — но только последняя имеет метафорические переносы «предатель», «доносчик», «полицейский в штатском». Индивидуально-авторский образ З. Пакер *baby pigeons* — «птенцы голубей» при обозначении белых, имея авторские смыслы ранимости, неприспособленности, беспомощности и неприятности, демонстрирует и общеязыковую афроамериканскую семантику маленьких потенциальных предателей, людей, поступающих низко, обманщиков, которые, несмотря на свою внешнюю уязвимость, готовы принести немало бед. Для этого же автора характерен образ комнатной собачки, чихуахуа. Помимо семантики беспомощности, требования постоянного ухода и нервозности, в образе использован и доминирующий цвет масти — белый и золотистый.

В литературе на спанглише образ неприятного животного не имеет такой однозначной проекции только на евроамериканца. Испанские и английские слова *bruto* — «скотина», *cochino* — «свинья», *zángano* — «трутень», *animal* — «животное, скотина», *locust* — «сааранча», *pest* — «насекомое» одинаково легко звучат в адрес и европеоидных американцев, и людей своего этноса.

В современной афроамериканской литературе семантика отчуждения в отношении человека одной крови нередко передается через соотнесенность с беспозвоночными: тараканами, гусеницами, червями и рептилиями (в частности змеями) (*cockroach, caterpillar, worm (wurm), hairless reptilian creature, snake*), что подчеркивает семантику никчемности, неприспособленности, вредительства, подлости, неповоротливости, неприятности. Нужно сказать, что здесь тоже проявляется связь с предыдущими этапами развития афроамериканской литературы, где образ пресмыкающегося и насекомого с самыми разными коннотациями обычно связан с человеком своей национальной принадлежности.

Очень важной сферой при восприятии своего и чужого в литературе на спанглише становится язык. Противопоставление креолизованных форм испанского и американского английского, необходимость изучения трудного, немелодичного иностранного языка, ощущение потери исходного языкового сознания и национальной идентичности, воспринимаемое как трагедия, — вот основные направления метафорического моделирования в этой области. Английский описывается как чудовищный, уродливый, грубый,

лживый, закрытый, напоминающий стену, тесный (*ugly, coarse, un monstruoso idioma, dense, tight language, hard letters like miniature walls, closed sounds, cannot rely on their voices*). Родной язык, напротив, дает ощущение свободы, исхода в землю обетованную, родственных чувств, единения, открытости (*proudly monolingual, the safety of the first tongue, speaking the same language, is like a song, open Spanish, open heart, open soul*). Показательно, что четыре из десяти основных произведений на спанглише в своем названии содержат прямое упоминание языка, голоса, обращения, языковой памяти («**Call me María**»; «**Candid Voices** of a Spanglish Existence»; «How the Garcia Girls **Lost Their Accents**»; «**Bilingual** Memories»). Особое место занимает восприятие спанглиша и его статуса лингва франка. Родной язык, будь то испанский или спанглиш, воспринимается как возможность обрести свой голос, песню, ритм, танец, отделяющий свою и чужую зоны. Последнее сближает этот дискурс с афроамериканской художественной литературой, где обретение своего голоса, танца, ритма, песни, Слова как Бога всегда было одним из главных направлений при описании своего и чужого. Это тоже часто включалось в названия произведений (ср., например: «The Weary Blues» Л. Хьюза, «Praisesong for the Widow» П. Маршалла, «Look What They Done to My Song», «Mr. America's Last ... Blues» Дж. Мак-Класки, «The Man Who Cried I Am», «Click Song» Дж. Уильямса, «If Beale Street Could Talk», «Blues for Mister Charlie», «Jimmy's Blues», «Go Tell It on the Mountain» Дж. Болдуина, «The Song of Solomon» Т. Моррисон, «I Know Why the Caged Bird Sings», «Shaker, Why Don't You Sing» М. Анджело, «Your Blues Ain't Like Mine» Б. Кемпбелл, «Heavy Daughter Blues» У. Колмана, «Blues People» Р. Эллисона, «De Mojo Blues» А. Флауэрса, «Homesick Blues» У. Келли, «Another Good Loving Blues», «I Heard a Crazy Woman Speak» С. Флауэрса, «Just Talking Jazz» Ф. Шейк и мн. др.).

Различие между двумя дискурсами состоит в том, что в афроамериканской литературе стандартный английский в целом никогда не воспринимался как злое, неудобное начало. Хотя следование стандарту в речевом поведении может давать смыслы отчужденности, обычно это сопровождается целым рядом других характеристик в образе персонажа для позиционирования его как чужого. Учитывая историю формирования афроамериканского английского, в афроамериканской литературе будет сложно найти активное использование африканских языков или грусть по поводу их утраты. В этом

еще одно существенное отличие двух лингвокультур и, как следствие, литератур — переключение языкового кода в литературе на спанглише не зависит от социального положения, в афроамериканской литературе использование менее модифицированных афроамериканских форм часто становится именно социальным маркером.

В целом в обоих исследуемых дискурсах индивидуально-авторские различия при описании сферы «чужой» фрагментарны. В основном наблюдается единый взгляд на вещи. В качестве отдельных элементов можно отметить акцентирование неприветливости больших городов США и тяжелого климата новой страны у О. Ихуэлоса, уход от себя и неприход в новую культуру, попытки вернуться к истории как объединяющему началу у С. Чавез-Сильверман. Обращение к теме психического и физического заболевания, а также системе неравных общественных отношений присущее афроамериканской литературе и в открытой форме наблюдается в работах Р. Лоффон (Sapphire), Э. Джонса, З. Пакер. Т. Коул вводит фрагментарные описания сферы «чужой», концентрируясь на одиночестве протагониста. В этом случае чужими оказываются разные эмоциональные состояния, предпосылки чего можно найти в работах Р. Райта и Р. Эллисона.

Подводя итог, отметим, что в качестве определенной динамики в литературе на спанглише нами выявлено появление новых поворотов в сюжете, возникших в последнее десятилетие. Это осознание существования новых стереотипов, которым противопоставлены латиноамериканцы в США. Сами латиноамериканцы начинают чаще идентифицировать отличия между разными этническими группами в своей среде (доминиканцы, никарaguанцы, пуэрториканцы, мексиканцы, кубинцы), с одной стороны, объединяясь через национальные стереотипы, а с другой — начиная проводить границу (К. Энрикез, С. Чавез-Сильверман, Х. Эрнандес), начинает упоминаться противопоставление города и деревни (Дж. Торрес). Поиски новой национальной идентичности, обращение к индейской и негроидной составляющим тоже находят отражение в работах последних лет (С. Чавез-Сильверман, Х. Эрнандес). Другой поворот — это понимание, что язык состоит из многих подъязыков, в том числе и профессионального общения, которыми можно по-разному владеть, что тоже определяет зоны отчуждения; введение билингвального конфликта поколений, замена устойчивых латиноамериканских вариантов испанского спанглишем и ассоциирование себя с ним (К. Энрикез, Х. Эрнандес). В современной

афроамериканской литературе сохраняются основные линии, присутствовавшие на предыдущих этапах, с усилением настроений тревожности, агрессии, частым употреблением бранной лексики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Bankston C. L. Immigration in U. S. History. — N. Y. : Salem Pr., 2006.
2. Brinkley A. The Unfinished Nation. A Concise History of the American People. — N. Y. : Knopf, 1997.
3. Carter P. M. American varieties: ¡Spanglish! — URL: http://www.pbs.org/speak/seatosea/americanvarieties/spanglish/usa/#carter_ (date of access: 10.12.15).
4. Cohen D. Braceros: Migrant Citizens and Transnational Subjects in the Postwar United States and Mexico. — N. Y. : The Univ. of North Carolina Pr., 2011.
5. Faltis C. Spanglish, Bilingualism, Culture and Identity in Latino Children's Literature // Children's Literature in Education. — Springer Science+Business Media, 2007. №38. P. 253—262.
6. Finkelman P. Encyclopedia of African American History, 1619—1895: From the Colonial Period to the Age of Frederick Douglass. In 3 vols. Vol. 3. — N. Y. : Oxford Univ. Pr., 2006.
7. Fornet J. Reescrituras de la memoria: Novela femenina y revolución en México (Pinos nuevos). — Editorial Letras Cubanas, 1994.
8. Horton J. O. The Landmarks of African American History. — N. Y. : Oxford Univ. Pr., 2005.
9. Kanellos N. H. The Anthology of Hispanic Literature of the United States (Recovering the U.S. Hispanic Literary Heritage). — N. Y. : Oxford Univ. Pr., 2003.
10. Mississippi fixes oversight, formally ratifies 13th amendment on slavery // foxnews.com. — URL: <http://www.foxnews.com/politics/2013/02/18/mississippi-fixes-oversight-formally-ratifies-13th-amendment-on-slavery/> (date of access: 10.12.2015).
11. Onuf P. S. Nations, Markets, and War: Modern History and the American Civil War. — Charlottesville : Univ. of Virginia Pr., 2006.
12. Ramirez L. Voices of Diversity: Stories, Activities, and Resources for the Multicultural Classroom. — Upper Saddle River, NJ : Pearson Prentice Hall, 2006.
13. Stavans I. Spanglish: The Making of a New American Language. — N. Y. : Harper Perennial, 2004.
14. Wolfram W., Thomas E. The Development of African American English. — N. Y. : Harper Perennial, 2002.
15. U.S. CENSUS BUREAU. Hispanic Americans by the numbers. — URL: <http://www.infoplease.com/spot/hhm census1.html> (date of access: 10.04.2014).
16. ИСТОЧНИКИ
17. Alvarez J. How the Garcia girls lost their accent. — Algonquin Books, 1991.
18. Chávez-Silverman S. Killer Crónicas: Bilingual Memories. — Univ. of Wisconsin Pr., 2004.
19. Cofer J. O. Call me María. — Scholastic Inc., 2004.
20. Cole T. Open City. — N. Y. : Random House Trade Paperbacks, 2011.
21. Diaz J. Drown. — N. Y. : Faber & Faber Fiction, 2009.
22. Diaz J. The brief wondrous life of Oscar Wao. — N. Y. : Riverhead books, 2007.
23. Diaz J. This is how you lose her. — N. Y. : Faber and Faber, 2012.
24. Durrow H. W. The Girl Who Fell from the Sky. — Algonquin books, 2010.
25. Evans D. Before You Suffocate Your Own Fool Self. — Riverhead Books, 2010.
26. Jones E. P. All Aunt Hagar's Children: Stories. — Amistad, 2006.
27. Henríquez C. The Book of Unknown Americans. — Canongate Books, 2014.
28. Hernandez J. G. Cuban, that's all! An exile in three acts. — Writers Club Press, 2002.
29. Hijuelos O. Beautiful Maria of My Soul. — Hachette Books, 2010.
30. Mengestu D. How to Read the Air. — Riverhead Books, 2010.
31. Mengestu D. The Beautiful Things That Heaven Bears. — Riverhead Books, 2007.
32. Packer ZZ. Drinking Coffee Elsewhere. — Oxford, 2000.
33. Sapphire Push. — N. Y. : Vintage, 1997.
34. Sapphire The Kid — N. Y. : Penguin books, 2011.
35. Torres J. We the Animals. — Mariner books, 2012.
36. Whitehead C Sag Harbor. — N. Y. : Anchor, 2010.
37. Whitehead C. The Intuitionist. — NY: Anchor, 2012.

D. V. Pitolin, E. V. Shustrova
Ekaterinburg, Russia

US DOMESTIC POLICY INFLUENCE ON ONE'S OWN —VS. ALIEN OPPOSITION IN MODERN SPANGLISH AND AFRICAN AMERICAN FICTION

ABSTRACT. The paper investigates a variety of linguistic means applied when Spanglish and African American modern authors introduce phenomena that are considered to form the daily life of the diasporas in question or on the contrary are thought to be alien, to belong to some other spheres. Thus the basic opposition ONE'S OWN —VS. ALIEN is formed. The authors also dwell upon a number of factors that build up the basis for such worldview of the two diasporas and are dependent upon US international and domestic policies.

The Spanglish data under analysis includes novels and collections of stories by D. Diaz, J. Cofer, J. H. Hernandez, S. Chávez-Silverman, O. Hijuelos, C. Henríquez, J. Torres, J. Alvarez. African American fiction is represented by such modern authors as Sapphire, C. Whitehead, E. P. Jones, ZZ Packer, H. W. Durrow, D. Evans, T. Cole, D. Mengestu.

The methods of investigation are formed on the basis of traditional comparative and descriptive linguistic studies and cognitive approach, including conceptual metaphoric models' building, and structural and cognitive semantics. As a result the authors describe contextual and discourse factors that determine particular linguo-cultural features of conceptual metaphoric models in the given texts.

The article singles out conceptual metaphoric models of the Spanglish and African American modern authors when they introduce ONE'S OWN —VS. ALIEN opposition. These models are classified and described at length as far as their lexical, semantic, and image-bearing peculiarities are concerned. Yet another line of investigation is formed by the tracing of the models' possible interconnection in the authorial interpretation.

It has been found that when describing their own environment, modern Spanglish authors prefer such source domains as: family, social position, ethnic origin, supernatural phenomena, and animal. African American writers of today turn to the family, animal, race, supernatural, and primitive society source domains. When the alien sphere is introduced, the supernatural, race, social position, animal, history and language source domains are more frequent in Spanglish fiction. African American fiction favours animalistic, supernatural and race metaphoric direction in such a case.

The authors describe transferred meanings, pun, decomposition of set-expressions in modern Spanglish and African American fiction, and analyzed images that are deeply rooted in culture. The research has allowed determining certain conformities that characterize general interpretation of one's own and alien zones in the modern national fiction of the two diasporas. We've also singled out authorial individual understanding of the ONE'S OWN —VS. ALIEN opposition.

The results of the research in question contribute to the investigations of metaphors, including their political and social aspects. Some results may also be of interest for scholars whose professional sphere is linked to cross-cultural and linguo-cultural studies.

KEYWORDS: cross-cultural competence, Spanglish, African American English, Spanglish and African American modern fiction, languages in contact, cross-cultural communication.

ABOUT THE AUTHOR: Pitolin Danil Viktorovich, Post-graduate Student of Department of English, Language Teaching Methods and Translation Theory, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

ABOUT THE AUTHOR: Shustrova Elizaveta Vladimirovna, Doctor of Philology, Professor of Department of English, Language Teaching Methods and Translation Theory, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

REFERENCES

1. Alvarez J. How the Garcia girls lost their accent. — Algonquin Books, 1991.
2. Chávez-Silverman S. Killer Crónicas: Bilingual Memoirs. — Univ. of Wisconsin Pr., 2004.
3. Cofer J. O. Call me Maria. — Scholastic Inc., 2004.
4. Cole T. Open City. — N. Y. : Random House Trade Paperbacks, 2011.
5. Díaz J. Drown. — N. Y. : Faber & Faber Fiction, 2009.
6. Díaz J. The brief wondrous life of Oscar Wao. — N. Y. : Riverhead books, 2007.
7. Díaz J. This is how you lose her. — N. Y. : Faber and Faber, 2012.
8. Durrow H. W. The Girl Who Fell from the Sky. — Algonquin books, 2010.
9. Evans D. Before You Suffocate Your Own Fool Self. — Riverhead Books, 2010.
10. Jones E. P. All Aunt Hagar's Children: Stories. — Amistad, 2006.
11. Henríquez C. The Book of Unknown Americans. — Canongate Books, 2014.
12. Hernandez J. G. Cuban, that's all! An exile in three acts. — Writers Club Press, 2002.
13. Hijuelos O. Beautiful Maria of My Soul. — Hachette Books, 2010.
14. Mengestu D. How to Read the Air. — Riverhead Books, 2010.
15. Mengestu D. The Beautiful Things That Heaven Bears. — Riverhead Books, 2007.
16. Packer ZZ. Drinking Coffee Elsewhere. — Oxford, 2000.
17. Sapphire Push. — N. Y. : Vintage, 1997.
18. Sapphire The Kid — N. Y. : Penguin books, 2011.
19. Torres J. We the Animals. — Mariner books, 2012.
20. Whitehead C Sag Harbor. — N. Y. : Anchor, 2010.
21. Whitehead C. The Intuitionist. — NY: Anchor, 2012.
22. Bankston C. L. Immigration in U. S. History. — N. Y. : Salem Pr., 2006.
23. Brinkley A. The Unfinished Nation. A Concise History of the American People. — N. Y. : Knopf, 1997.
24. Carter P. M. American varieties: ¡Spanglish! — URL: <http://www.pbs.org/speak/seatosea/americanvarieties/spanglish/usa/#carter> (date of access: 10.12.15).
25. Cohen D. Braceros: Migrant Citizens and Transnational Subjects in the Postwar United States and Mexico. — N. Y. : The Univ. of North Carolina Pr., 2011.
26. Faltis C. Spanglish, Bilingualism, Culture and Identity in Latino Children's Literature // Children's Literature in Education. — Springer Science+Business Media, 2007. №38. P. 253—262.
27. Finkelman P. Encyclopedia of African American History, 1619—1895: From the Colonial Period to the Age of Frederick Douglass. In 3 vols. Vol. 3. — N. Y. : Oxford Univ. Pr., 2006.
28. Fornet J. Reescrituras de la memoria: Novela femenina y revolucion en Mexico (Pinos nuevos). — Editorial Letras Cubanas, 1994.
29. Horton J. O. The Landmarks of African American History. — N. Y. : Oxford Univ. Pr., 2005.
30. Kanellos N. H. The Anthology of Hispanic Literature of the United States (Recovering the U.S. Hispanic Literary Heritage). — N. Y. : Oxford Univ. Pr., 2003.
31. Mississippi fixes oversight, formally ratifies 13th amendment on slavery // foxnews.com. — URL: <http://www.foxnews.com/politics/2013/02/18/mississippi-fixes-oversight-formally-ratifies-13th-amendment-on-slavery/> (date of access: 10.12.2015).
32. Onuf P. S. Nations, Markets, and War: Modern History and the American Civil War. — Charlottesville : Univ. of Virginia Pr., 2006.
33. Ramirez L. Voices of Diversity: Stories, Activities, and Resources for the Multicultural Classroom. — Upper Saddle River, NJ : Pearson Prentice Hall, 2006.
34. Stavans I. Spanglish: The Making of a New American Language. — N. Y. : Harper Perennia, 2004.
35. Wolfram W., Thomas E. The Development of African American English. —N. Y. : Harper Perennia, 2002.
36. U.S. CENSUS BUREAU. Hispanic Americans by the numbers. — URL: <http://www.infoplease.com/spot/hmcensus1.html> (date of access: 10.04.2014).

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.